

«... Тем удивительнее речь»

Сергей ОРЛОВ. — КОСТРЫ. Стихи. М., «Советский писатель», 1978.

Я из ряда вон выходящих
Сочинений не сочиню.
Я запрячу в далекий ящик

То, чего не предаю огню,
Борис КОРНИЛОВ
«Ящик моего письменного стола».

В предисловии к последней книге Сергея Орлова «Костры» Егор Исаев вспоминает, как он поторапливал поэта: «очень хотелось, чтоб у него как можно скорее вышла она — эта новая, годами выстраданная книга».

Книга оказалась посмертной. И выстраданной не годами — без малого четырьмя десятилетиями, почти всей сознательной жизнью. «Костры» открывают читателям не только орловскую лирику последних лет — сборник в большей своей части состоит из неопубликованных стихов поэта, помеченных очень далекими датами.

Стихи из «далекого ящика» письменного стола. По каким причинам хранились они там, за семью печатями: время ли не пришло? авторская строгость к себе? авторское своеволие? Извечная застенчивость творца перед ранними опытами, ибо почти все художники считают свой путь поступательным?

Я могу лишь еще и еще размышлять над тем, что я называю сейчас «загадкой Сергея Орлова», начиная что-то понимать и чего-то совершенно не понимая, — как же случилось, что многие сильные, замечательные строки лишь только после смерти их создателя вышли на свет из архивного заточения?..

Не нами придумано, что следующие друг за другом авторские сборники — это главы одной большой книги. И в «Кострах», вероятно, завершающая часть и есть та самая новая книга, принести которую в издательство поторапливал поэт Егор Исаев. Здесь собраны раздумья человека, остро ощущающего неизбежность расставания со всем, что дорого ему в этом мире:

Я землю эту попирал ногами,
К ней под обстрелом припадал
щекой.

Дышал ее дождями и снегами
И гладил обожженную рукой.
Прости, земля, что я тебя

покину,
Не по своей, так по чужой вине
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном
сне.

Во всем узнается здесь зрелый Сергей Орлов, его мужественная, тяготеющая к метафоричности манера письма. Вот размышления у обелиска: здесь похоронены те, кто был расстрелян фашистами в партизанском лазарете, под Старым Крымом:

И ни могилы, ни креста,
Ни имени, ни даты...
На всех державная плита,
Одна на век двадцатый.
Одна прощальная слеза
Из камня, из гранита.

А немного ранее — бросок в юность, в победный май 45-го:

Май приносит дни
вспоминаний,
Вновь над миром светится
звезда,
Ждут свободы, поднимают длани
И горят в Европе города.

Все сработано мастером: зримо, страстно — и это при абсолютном внешнем спокойствии письма.

А еще чуть ранее — стихи 75-го года. В них поэт предстает с какой-то новой стороны: он несколько растерян перед открывшейся ему в дали времен сутью детства, родного крова:

Вхожу в дома я,
словно в отраженья
В воде зеркальной,
преломившей свет.
Я помню все там
с моего рожденья,

Все узнаю,
и ничего там нет.
Там все не так и все не то,
и все же
Над всем душа сжимается моя.

И все плывет вода и все
струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль.
Куда?

Старинные над ней

восходят лица
Как месяцы, как луны, как годы
И сладко там, и страшно

оставаться

И сознавать мне этот сон воды.
Эти стихи дают читателям ясное представление о последнем этапе поэтической работы С. Орлова о результатах его напряженного поиска в последние годы жизни.

И все же необычность «Кострам», выделяя их из ряда поэтических книг С. Орлова, придает стихи из его архива. Я менее всего хочу поставить «неопубликованное» в конфронтацию с тем, что поэт печатал при жизни — просто собранные воедино и обретшие голос после многолетнего молчания строки производят огромное впечатление, ставшая нас по-иному проследить его творческий путь, его литературную и человеческую судьбу: более точно определить масштабы поэта и в рамках военного поколения и во всей советской поэзии. Н. Ушаков сказал: «Человек продолжительней молчанья, тем удивительнее речь!». «Речь» молодого Орлова воистину удивительна!

В юности, в пору первой любви, я, как водится, потянулся к поэзии. По счастью, это совпало по времени с выходом на широкую читательскую аудиторию поэтов военного поколения. Начались 50-е годы...

«Мы не от старости умрем, от старых ран умрем...», «Знаешь, Юлька, я против грусти...», «Его зарыли в шар земной» — эти и другие строки навсегда врезались в память. И все же мне лично больше сказали о прогрессивнейшей над моим детством военной грозе Межиров, Недогонов, Луконин, Наровчатов, позже присоединившийся к ним Слуцкий — более всего — Гудзенко.

Тем удивительнее для меня сегодняшнее открытие: двадцати-тридцати-двадцатичетырехлетним Сергеем Орловым были написаны стихи, которые — прозвучат они в свой срок! — во многом иначе бы определили место поэта в шеренге талантов, шагнувших в литературу из окопов и блиндажей. Здесь разговор не о том, кто первый, кто второй кому критики «передали», кому «недодали»: я просто мысленно переносусь в те годы и думаю о том, что С. Орлов в стихах 44-45-го годов сказал о войне так как может быть, никто другой.

Давние истершиеся даты,
Юность, счастье, светлая пора —
Стоят ли они одной солдата
Горестной улыбки у костра...

спевал русскую природу, заглядывал в глубины истории и в дали будущего. Но всегда — сравнивая с той войной, которая явила миру лучшие черты советских людей и сформировала нравственные идеалы поэта.

...Я читал посмертную книгу Сергея Орлова в отеле одной из ближневосточных столиц под неумолчный и полузабытый гул

автомобильных гудков. Вечерами у меня было время подумать над стихами поэта и пережить целую гамму чувств — радость, удивление и... сожаление. Сожаление о том, что я едва был с ним знаком, ни разу не говорил по душам... Ибо то, что С. Орлов говорит в книге «Костры», значительно и важно в масштабах всей современной поэзии.